

Время моё

АЛЕКСЕЙ МАЛОБРОДСКИЙ

СЛЕДСТВИЕ РАЗБЕРЁТСЯ

ХРОНИКИ
«ТЕАТРАЛЬНОГО
ДЕЛА»

Москва
Издательство АСТ
2020

УДК 792(470)
ББК 85.334.3(2)6
М19

Фотоматериалы предоставлены
ФГУП «Информационное телеграфное агентство России
(ИТАР-ТАСС)».

Малобродский, Алексей Аркадьевич.

М19 Следствие разберётся. Хроники «театрального дела» / Алексей Малобродский. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 272 с.: ил. — *(Время моё)*.

ISBN 978-5-17-118984-6

Автор, один из фигурантов громкого «театрального дела» режиссёра Кирилла Серебренникова, рассказывает историю своего «сопротивления». Книга эта — одновременно и триллер, и крутой детектив, и готический роман ужасов, это и жесткий памфлет, и автобиография. Но как бы ни определить её жанр, это повествование о стойкости, верности убеждениям и своему делу.

УДК 792(470)
ББК 85.334.3(2)6

ISBN 978-5-17-118984-6

© А.А. Малобродский, 2020
© А.Е. Знаменская, иллюстрации, 2020
© Михаил Почуев/ТАСС, фотография
на обложке, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Моей жене Тане

Звонок скрипнул коротко, суетливо, поначалу, казалось, застенчиво. Потом ещё и ещё раз, уже нервно, срываясь в истерику. Будильник звучит иначе. Кажется, ещё нет семи. Соседи? Открыть глаза, нащупать шлёпанцы, халат, проверить, не текут ли краны и трубы на кухне, в ванной,

добрести до двери. В маленькой однокомнатной квартире на всё — несколько шагов, несколько секунд. Вслед за телом просыпается сознание. Сегодня предстоит много дел: важная встреча, я добивался её две недели; в университете обсуждение моей программы театрального факультета; открытие выставки, вечеринка... не забыть, успеть...

В приоткрытую дверь мгновенно просунулись нога и плечо доблестного оперативника. Несколько мужчин, сгрудившихся за его спиной, всем своим видом выражали развязную решимость, сквозь которую, однако, странным образом просвечивало лёгкое замешательство. Будто бы по отношению ко мне у них не было безусловно одобренного, согласованного намерения. Два следующих года подобное ощущение будет возникать у меня с появлением каждого нового персонажа, на каждом повороте истории, начавшейся в то утро и не законченной до сих пор.

Нельзя было допустить, чтобы свора незваных гостей оказалась в комнате, где ещё спала моя жена; я заорал на них хриплым спросонок матом. Удивительно, но они остановились. Одевшись, я потребовал и внимательно прочитал ордер, затем впустил их. Несколько сотрудников московского Следственного комитета, с ними не представившийся прыщавый переросток, а также курсанты-полицейские в качестве понятых. Это был обыск. На вопрос, какие запрещённые предметы имеются в квартире, я ответил: только те, которые вы, наверное, принесли с собой.

Месяцем раньше СМИ, кажется, всего мира сообщили об обысках в «Гоголь-центре» и в квартирах Кирилла Серебренникова и связанных с ним работой в театре и проекте «Платформа» людей. Бывший гендиректор «Платформы»

СЛЕДСТВИЕ РАЗБЕРЁТСЯ

Юрий Итин даже удостоился задержания и был помещён под домашний арест. Меньше повезло бухгалтеру Нине Масляевой, оказавшейся за решёткой. Чем руководство валося суд, избирая моим бывшим коллегам различные меры пресечения, остаётся для меня загадкой. Писали, что им предъявлено обвинение в хищении одного миллиона двухсот тысяч рублей, перечисленных некой компании по фиктивному договору. Такое обвинение никак не объясняло полутора десятков эффективно проведённых обысков с собаками и вооружёнными омовцами в масках. Я был первым генеральным продюсером «Платформы», но в 2014 году, когда по версии следствия произошло хищение, минуло уже почти два года, как я оставил этот замечательный проект. Я ожидал, что буду вызван для пояснений. Друзья призывали меня к осторожности, предлагали уехать. Я снисходительно посмеивался над такими советами — ведь я не нарушал закон, в делах был аккуратен, а потому уверен, что меня невозможно в чём-либо обвинить.

В крошечной съёмной квартире было совсем немного вещей. Через десять дней мы собирались перебраться в нашу новую подмосковную квартиру. Там пока не было мебели и продолжался ремонт, но из соображений экономии было решено обустроить её как-то по ходу. Зимние вещи, кухонный скарб и библиотека хранились в арендованной складской ячейке. В общем, обыскивать было особо нечего. Пароли от наших мобильных телефонов и ноутбуков мы простодушно сообщили, документы предъявили. Всем было скучно. А нам с Таней — отчаянно противно. Никто из ворвавшихся в наше утرو

людей не отличался обаянием, а с учётом обстоятельств все они вызвали брезгливое и одновременно опасливое чувство. Впрочем, мы были сдержанны и насколько возможно вежливы. Один из пришельцев сообщил, что мне придётся поехать с ними, и спросил, готов ли я дать показания. Конечно, я был готов. «Правильные показания», — уточнил слуга закона. «Нет, — ответил я, — правдивые». Последовал дурацкий диалог, как в очень тупом скетче. Он несколько раз повторил «правильные», а я столько же раз ответил «правдивые». Мы по-разному понимали значение слова «правильный». Тем не менее мой собеседник сообщил кому-то по телефону, что я веду себя адекватно и со мной можно работать. У нас изъяли ноутбуки, айпады, телефоны, часть документов и записных книжек. Корявым, нечитаемым почерком составили протокол. С трудом разобрав написанное, мы подписали.

Таня и несколько следователей с понятыми поехали в нашу квартиру. Поскольку в ней было пусто, обыск там прошёл ещё быстрее и скучнее. Тем временем другая группа препроводила меня в управление Следственного комитета по Москве на Новокузнецкой улице. Дорóгой я позвонил адвокату Ксении Карпинской. Она, как оказалось, была не в Москве, но пообещала направить мне на помощь кого-нибудь из коллег.

Во дворе и коридорах здания Следственного комитета было немногочленно, но суетливо. Каких-то людей быстро заводили в кабинеты; из-за других вопросительно выглядывали сотрудники, как бы интересуясь, можно ли выйти. Было ясно, что это как-то связано со мной. Одну женщину, всё же попавшуюся мне на глаза, я хорошо

СЛЕДСТВИЕ РАЗБЕРЁТСЯ

знал: Лариса Войкина работала в «Седьмой студии» и — недолгое время — в «Гоголь-центре».

Следователь представился невнятной скороговоркой. Так говорят сотрудники ГИБДД, когда беспричинно останавливают машину. В их утомлённых глазах отчётливо прочитывается сумма, и они искренне сокрушаются, если водитель не проявляет достаточной сообразительности и чуткости. Я дотошно переспрашивал имя, должность и место службы. Следователь, раздражаясь, но раз от разу громче и чётче повторял: «Следователь по особо важным делам Первого следственного отдела Второго управления по расследованию особо важных дел о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве капитан юстиции Федутинов Игорь Николаевич». Звучало это одновременно угрожающе и нелепо и будто даже немного лестно: не баран чихнул, люди серьёзные. Любопытство во мне боролось с недоумением, страх и растерянность — со смешливостью. Капитан порывался немедленно «просто поговорить», призвал меня быть откровенным и «рассказать всё». Вероятно, я должен был понимать, что именно от меня хотят услышать. Я искренне не понимал. Федутинов огорчился. Не зная, как его утешить, я объявил, что готов «рассказать всё», когда приедет адвокат.

Вскоре прибыла Юлия Лахова, высокая красивая женщина; осторожная походка и едва заметная округлость выдавали раннюю стадию беременности. С её появлением стало легче и спокойнее, хотя полностью одолеть волнение не получалось. Суэта, мелькание сменяющихся лиц,

кажущиеся случайность и бестолковость вопросов, беспокойство о Тане, ещё не вернувшейся после обыска, досада из-за несостоявшихся встреч и отменённых дел, невозможность позвонить, усталость и голод — всё раздражало, вызывало головную боль. Федутинов, уже составивший представление о моей несговорчивости, поручил допросы своим помощникам. Их было трое. Первый явно тяготился работой, вопросы задавал устало, без малейшего интереса. Зато нас с интересом слушал анонимный переросток, вертевшийся среди прочих у нас дома во время обыска. На требование адвоката Лаховой объяснить, кто этот человек и на каком основании присутствует, проводивший допрос следователь мрачно пошутил: «Это моя совесть». Как удалось реконструировать много позже, это был фээсбэшный филёр Авдеев, якобы следивший за мной и накропавший дикую, от первого до последнего слова лживую справку, на основании которой меня арестовали.

Допрашивали меня сначала как свидетеля по делу, возбуждённому в отношении Юрия Итина и Нины Масляевой, нисколько не смущаясь тем, что ко времени совершения вменяемого им преступления я полтора года не работал в «Седьмой студии». А по окончании объявили, что теперь я буду допрошен уже в качестве подозреваемого по статье 159, часть 4 — «Мошенничество в особо крупном размере». В чём именно меня подозревают и каковы основания подозревать меня в чём бы то ни было, никто мне не объяснил.

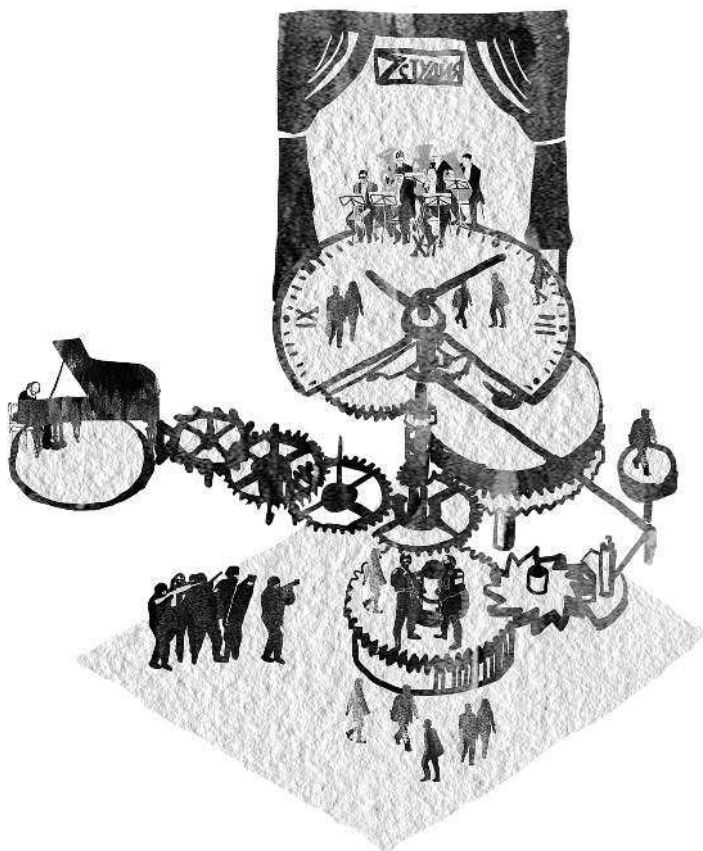
Между тем в сопровождении оперативной группы приехала Таня. На «Платформе» она не работала ни дня, к «Седьмой студии» никогда не имела отношения. Тем не

СЛЕДСТВИЕ РАЗБЕРЁТСЯ

мене её также допросили как свидетеля. Юлия Лахова не могла разорваться между нами. И Таня по праву, предусмотренному 51-й статьёй Конституции, отказалась отвечать на любые вопросы. Следователь и не рассчитывал получить от неё какую-то информацию — просто, делая из моей жены свидетеля, они предусмотрительно создавали ещё один инструмент давления на случай моей несговорчивости. Позже я осознал, что все события того длинного дня строились по стандартному, тысячи раз опробованному органами шаблону и финал был заведомо предопределён уже принятыми кем-то решениями.

Следующий допрос практически полностью повторил вопросы предыдущего. Мне давали понять, что располагают печальными для меня показаниями бывших коллег, якобы меня недолюбливающих, намекали на недружелюбное наше с Кириллом расставание в «Гоголь-центре». Провокации были навязчивыми, но довольно неуклюжими. С каждым вопросом становилось яснее, что от меня ждут компромата на Серебренникова. Этот допрос по очереди проводили два следователя, располагавшиеся в разных кабинетах. Мне не забыть один из них: как все прочие, пыльный, захламлённый бумагами и уродливой, будто случайной мебелью, с плохим раздражающим глаза светом, он имел нелепые пропорции поставленного на узкую поверхность параллелепипеда. Стены украшали яркая икона и парадный портрет генералиссимуса Сталина.

В восьмом часу вечера на меня надели наручники. В коридоре, наскоро прощаясь с измученной и изумлённой Таней, я посоветовал ей провести вечер с друзьями, сообщить о случившемся и попытаться отвлечься.

Юрий Итин, мой товарищ со студенческих времён, спросил по телефону, чем я занят и как добываю хлеб насущный. Я уже месяц был совершенно свободен после увольнения из театра «Школа драматического искусства».

СЛЕДСТВИЕ РАЗБЕРЁТСЯ

Увольнению предшествовало такое обстоятельство: некая маленькая телекомпания на голубом, что называется, глазу требовала бесплатно отдать ей для съёмки передачи один из залов театра. Ссылались на какие-то договорённости с начальством. Звонила Галина Валентиновна Лупачёва, заместитель московского министра культуры, и со значением шипела в трубку, что надо бы помочь. Но отказалась направить письменное распоряжение. Не в силах понять, почему государственный бюджетный театр должен отменить репетиции и спектакли, а свой зал бесплатно предоставить частной коммерческой структуре, я отказал.

За непонятливость я заплатился увольнением. Владелица и директор компании на беду оказалась женой влиятельного чиновника в недавно сформированном правительстве нового мэра Москвы Собянина. Руководитель Департамента культуры Москвы Сергей Ильич Худяков вызвал меня на ковёр. Сам, впрочем, не явился, трусливо поручив разговор своим подчинённым. В унылом кабинете с единственным окном, выходившим на Неглинную улицу, по одну сторону длинного стола рядом устроились заместители руководителя, главы юридического и кадрового управлений, театрального отдела, инструкторы и кураторы — всего с десятков начальников разного калибра. Меня усадили с противоположной стороны. Глаза моих визави беспокойно блуждали по углам, напоминая многоголового окосевшего Змея Горыныча. Мне предложили уволиться по собственному желанию. Я не желал. Театр находился в отличной творческой форме, громадьё интересных планов было скреплено договорённостями